

УДК 811.161.1

***ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ И. ГУБЕРМАНА
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ПЕРВЫЙ ИЕРУСАЛИМСКИЙ
ДНЕВНИК»)***

Шаронова С. Г.

бакалавр,

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Саранск, Россия

Аннотация

В статье рассматривается художественное своеобразие поэзии И. Губермана. В ходе анализа поэтического сборника «Первый иерусалимский дневник» актуализируется внимание на основных мотивах образах, чертах поэтики. В результате исследования делается вывод о тяготении поэта к книге стихов, жанровые формы которой позволяют многосторонне представить авторский взгляд на жизнь, творчество, советскую действительность, судьбу еврейского народа.

Ключевые слова: И. Губерман, современная поэзия, книга стихов, мотивы, образы, самоирония, средства изобразительности.

***ARTISTIC PECULIARITIES OF POETRY OF I. GUBERMAN (BASED ON
THE BOOK "THE FIRST JERUSALEM DIARY")***

Sharonova S. G.

bachelor,

Mordovian state University. N. P. Ogarev

Saransk, Russia

Abstract

The article considers the artistic originality of the poetry of I. Guberman. The analysis of the poetry collection "The First Jerusalem diary" actualizarea attention on the main motifs of the images, terms of poetics. As a result of research the conclusion about the tendency of the poet to a larger genre form, book of poetry, genre forms that allow comprehensively to predstaviti the author's view on life, creativity, soviet reality, the fate of the Jewish people.

Key words: I. Guberman, modern poetry, a book of poems, the motifs, the imagery, the irony, the means of depiction.

На общем фоне развития современной поэзии отчетливо выделяется творчество Игоря Губермана, получившего известность благодаря своим афористичным и сатирическим четверостишиям, «гарикам». За смелые высказывания в адрес представителей власти и всего советского режима он был арестован в 1979 году и приговорен к пяти годам лишения свободы. После освобождения поэт покидает Россию, уезжает в Иерусалим, где проживает и сейчас. Современному читателю И. Губерман известен по таким книгам, как «Прогулки вокруг барака» (1988), «Гарики на каждый день» (1999), «Искусство стареть» (2010) и др.

По словам Д. Быкова, И. Губерман – «последний русский частушечник» [2], А. Н. Алексеев также отмечал, что поэт «поистине народен, устен, фольклорен» [1]. Его «гарики» обладают признаками полноценного лирического высказывания, они отражают в себе и трагедию, и комизм, в них он рассуждает о любви, творчестве, быстротечности времени, родине, смысле жизни [см.: 4; 5].

Все четверостишия И. Губермана яркие, эмоциональные, таковыми они становятся, благодаря умению поэта видеть незначительные детали в окружающем мире, характерах. Поэт использует в своих произведениях обценную лексику, просторечье, фразеологизмы, оксюмороны, что в совокупности с основной поэтической идеей оказывает на читателя большое эмоциональное воздействие [8].

Объектом нашего внимания является одна из книг поэта – «Первый иерусалимский дневник», которая вышла в 2006 году. Стоит отметить, что «Первый иерусалимский дневник» – это не просто сборник стихов, это книга стихов, целостное поэтическое единство, для которого характерно пунктирное развитие сюжета, эволюция образов, мотивов. Архитектоника книги тщательно продумана. Она делится на несколько тематических разделов, которые демонстрируют мировидение поэта как целостную систему [4]. Несмотря на обилие тем, к которым обращался И. Губерман, все же главное темой, проходящей красной нитью через весь «дневник», а так же через все творчество поэта, является тема любви к родине, тоски по ней.

Книга стихов открывается эпиграфом: «В эту землю я врос окончательно, / я мечту воплотил наяву, / и теперь я живу замечательно, / но сюда никого не зову [3, 5].

Уже с первых строк проявляется личность автора, его отношение к жизни. Ему удается просто и понятно показать человеческую жизнь без прикрас. «Гарики» И. Губермана объединяют в себе веселье и грусть, комизм и трагизм. Эпиграф, с которого начинается книга, открывает читателю мир писателя, приглашает его познакомиться с ним.

Тоска по родине, грусть по России проявляется на протяжении всего творчества поэта. Не удивительно то, что книга стихов отрывается именно с мотива расставания с отчизной. Эпиграф задает тональность звучанию всего поэтического сюжета. Поэт обнажает свою душу, он признается в том, что думает о России, скучает. Он чувствует опустошение и одиночество, находясь вдали от дома: «...душа скитается в пустыне, / изнемогая от сиротства»; он вспоминает самые тяжелые и вместе с тем самые лучшие годы его жизни. Но наряду с такими «гариками», писатель пишет сатирические, наполненные иронией четверостишия, где он с ненавистью рассуждает о советском режиме, о представителях власти, о «казенной России». Любимая ему страна, принесла слишком много горя в его жизнь:

За все России я обязан –

за дух, за свет, за вкус беды,
к России так я был привязан –
вдоль шеи тянутся следы [3, 20].

И. Губерман создает целый раздел «гариков», поднимающих проблему еврейского национального характера. В таких стихах поэт самоироничен. Он не скрывая говорит о скупости, глупости, умении еврейского народа приспособливаться в любых условиях, но вместе с этим также отмечает, через что пришлось пройти его соотечественникам, каким гонениям они подвергались.

Евреи знали унижение
под игом тьмы поработителей,
но, потерпевши поражение,
пережили победителей [3, 34].

Все четверостишия, затрагивающие данную тему, отличаются четкостью, лаконичностью. И. Губерман, раскрывая характер еврейского народа, использует меткие фразеологизмы: «свинью другому подложить», «мутит воду», «сует повсюду нос», «невинная овечка» и т.д.

Следует также отметить, что И. Губермана, как и многих поэтов, волновала тема творчества, а именно тяжести поэтического труда и особой роли поэта в обществе. Автор акцентирует внимание на особом даре поэта, которым владеют только избранные. Тех, кто пытается быть писателем, он сравнивает с курицей, «сидящей на яйцах, тухлых изначально» [3, 66]. По его мнению, писателями не становятся, писателям рождаются:

Блажен, кого тешит затея
и манит огнями дорога;
талант – сочиняет, потея,
а гений – ворует у Бога [3, 66].

В подобных «гариках» наблюдаются многочисленные аллюзии и реминисценции. В большинстве случаев их роль – создание комического художественного образа. И. Губерман ссылается на Р. Декарта («я мыслил,

следователь, но / я существую»), М. Ю. Лермонтова («я герой, но не нашего времени»), античную мифологию («моя малейшая затея, / свежа, как печень Прометея») и др. Поэт с сарказмом описывает то, что его окружает, не стесняясь, высказывает то, что думает, поэтому и употребляет в своем творчестве нецензурную лексику, жаргон. Синтез подобных художественных средств позволяет поэту обножить свое внутреннее Я, передать свободу поэтического голоса и взгляда на абсурдную действительность, несправедливость и подлость существующей власти и современный чиновничий мир.

Излюбленным изобразительно-выразительным средством И. Губермана является сравнение. Поэт проявляет себя как истинный творец, его сравнения уникальны: судьба у него – «нахохленная птица», разум «тухлый и дремучий...», как струна», «проекты удачной судьбы – большие гробы» и др.

Другая важная тема книги – это тема любви. Однако данная классическая тема получает в творчестве современного автора совершенно иные коннотации в звучании. Поэт со свойственной ему резкостью и сарказмом рассуждает об отношениях мужчины и женщины. Для него женщина – не объект восхищения, а хитрое, сварливое, «искусственное» существо. Мужчина же неприменно неверен, ленив и распутен. По мнению автора, не существует духовных, чистых отношений между мужчиной и женщиной, есть только связи, ведущие к «грехопадению». Лирический герой, приближенный к образу поэта, часто признается, что ничуть не отличается от окружающих: «...всегда завязывал я бантиком, / концы любовных отношений!» [3, 92]. Подобная самокритика ярко видна во многих его стихах.

И. Губерман, безусловно, поэт-философ. Он рассуждает о смысле жизни, о взаимоотношениях между людьми, об одиночестве и т.д. Главным приемом, повторимся, и здесь для него становится ирония:

Любой мираж душе угоден,
любой иллюзии глоток...
Мой пес гордится, что свободен,
Держа в зубах свой поводок [3, 103].

Под этим псом поэт явно подразумевает человека, который считает себя свободным от всех условий и запретов, но на самом деле находится на поводке у жизни. Следует признать, что И. Губерман стремится к словотворчеству, он экспериментирует над стилистически грубыми словами: «гавнами», «колбасен», «простоквашно» и т.д.

Несмотря на то, что поэт по национальности является евреем, в нем отчетливо проявляется русская душа, которой свойственны воля, смелость в высказываниях, любовь к женщинам и алкоголю. Он рассуждает о пьянстве и как некогда Плиний Старший «ищет истину в вине».

Я жил распахнуто и бурно,
и пусть Господь меня осудит,
но на плите могильной урна –
пускай бутыль по форме будет [3, 139].

Оптимизм, самоирония, сарказм – неотъемлемые составляющие творчества И. Губермана, это отчетливо проявляется в названии одного из разделов книги «Увы, когда с годами стал я старше, со мной стали суше секретарши» [3, 118]. Надвигающаяся старость для него – это «...хлеб изгнания. Сок забвения. Одиночество, осень, честь» [3, 124]. Поэт отказывается верить в то, что годы идут, а он по-прежнему чувствует себя молодым и здоровым. Его задевает невнимание со стороны противоположного пола.

Увы, всему на свете есть предел:
облез фасад, и высохли стропила;
в автобусе на девку поглядел –
она мне молча место уступила [3, 133].

Язык данных четверостиший метафоричен: «жар пустых мечтаний», «зола былых очарований», «осенняя глушь разговора» и т.д. Именно метафоры позволяют поэту во всех красках нарисовать уходящую молодость и предстоящую старость. С помощью оксюморона «светлее уголь, снег темней» И. Губерман изображает прошедшую юность, для которой были свойственны

подменные представления о жизни, и лишь повзрослев «...мы научаемся смотреть / и видеть истины простые», – справедливо констатирует автор [3, 138].

Особое место в книге «Первый Иерусалимский дневник», как и во всем творчестве поэта, занимает тема веры в Бога. И. Губерман, рассуждая о Всевышнем, часто использует такую стилистическую фигуру как антитеза, чтобы подчеркнуть свое сомнение, он одновременно и верит, и не верит в творца (тьма / свет, врозь / вместе, внутри / снаружи, стереть / создать и т.д.). Он признается: «По части веры – полным неучем / я рос, гуляка и ленивец...», и в тот же момент говорит: «Ты, Господи, не бойся, я с Тобой, / за все Тебя смогу я оправдать» [3, 157]. Поэт презирает «азартное» служение Богу, его связь с ним интимна, он не видит свою жизнь без веры.

Символично, что завершается книга разделом «Брызги античности». Поэт вновь иронизирует, становится понятно, что ссылаясь на античных писателей, философов, он пытается высказать свою точку зрения, относительно их мудрого взгляда. Античность – это эстетика, красота, идеал. Для И. Губермана это не так. Безусловно, поэт проявляет свою эрудированность, упоминая в своем творчестве античных мыслителей, но он не идет по их пути. Наоборот, их правильные, образцовые фразы он перефразирует грубым, внеэстетическим языком. Жаргонная лексика придает «гарикам» И. Губермана эпатажность, наряду с великими именами звучат слова: балбес, вонь, кретин, мерзавец и т.д. Поэт сатирически изображает древних мудрецов, высмеивает их высказывания, он не считает, что нужно жить, основываясь на изречения философов, жизнь сложнее, ее невозможно подвести под рамки чьего-то высказывания или рассуждения.

Я оценил в Левкиппе вновь
его суждения стальные:
«Кто пережил одну любовь,
Переживет и остальные» [3, 161].

Таким образом, проведенный анализ, позволяет рассматривать «Первый иерусалимский дневник» И. Губермана как крупную жанровую форму – книгу стихов, в которой от раздела к разделу раскрывается личность поэта, его

внутренний мир. Жанровые формы книги стихов дают поэту возможность многосторонне представить авторский взгляд на жизнь, творчество, советскую действительность, судьбу еврейского народа.

Библиографический список:

1. Алексеев А.Н. Гарики, рожденные Губерманом / А.Н. Алексеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <http://www.cogita.ru/a.n.alekseev/kontekst/gariki-rozhdennye-gubermanom> (Дата обращения: 14.09.2017).
2. Быков Д. Пузырьки воздуха / Д. Быков // Иерусалимский журнал. – 2007. – № 24-25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <http://magazines.russ.ru/ier/2007/24/by.html> (Дата обращения: 09.10.2017).
3. Губерман И. Первый иерусалимский дневник / И. Губерман. – Мн.: МЕТ, 2006. – 175 с.
4. Гудкова С.П. Книга стихов как крупная жанровая форма в творчестве русскоязычных писателей Мордовии (на материале поэтических изданий 2014-2015 гг.) / С.П. Гудкова // Вестник угроведения. – 2016. – № 2 (25). – С. 27-35.
5. Гудкова С.П. Современная русская поэзия (проблематика, поэтика, судьбы крупных жанровых форм) / С.П. Гудкова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 300 с.
6. Гудкова С.П. Специфика художественного преломления блоковских традиций в книге стихов П. Громова «Вне» (2014) / С.П. Гудкова, Е.А. Шаронова, С.А. Дубровская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11-2. – С. 45-50.
7. Осовский О.Е. Непростая простота. Страна, читающая «масслит» или не читающая вовсе? / О.Е. Осовский // Вопросы литературы, 2009. – № 3. – С. 46–69.
8. Осовский О.Е. Разработка концепции «сехового слова» в трудах М.М. Бахтина 1930-1960-х гг. / О.Е. Осовский, С.А. Дубровская //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4–1(34). – С. 163-167.

9. Осьмухина О.Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия / О.Ю. Осьмухина . – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – 288 с.